

УДК 1(091):101.2:124.2:141:165

УНИВЕРСАЛИЗИРУЮЩИЕ ОЗНАЧАЮЩИЕ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Подлесный О. О.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: gekfinn2014@gmail.com

Статья посвящена понятию «универсализирующих означающих», вопрос о которых является открытым для теоретического поля социальной философии. Данный вид понятий мы считаем фундаментом смыслообразования в сфере языка, необходимого для описания социальных процессов. Сам предмет современной социальной философии вращается вокруг выработки и дальнейшей работы с некими означающими, которые обнаруживаются в исследовании дискурсивной общественной практики, и подвергнут как определению, так и переозначиванию. Данный процесс не может эффективно протекать в русле позитивистской парадигмы, так как значительно усложняет ее особенности, связанные с необходимостью учета контекстуальных установок субъекта исследования. Как демонстрируется на примере статьи Л. Брайанта, дискурс социальной философии можно считать детерминированным универсализирующими означающими. Этот тезис иллюстрируется на примере нескольких наиболее облигатных из них, которые можно обнаружить в самом ядре общественных отношений. Однако, кроме этого, универсализирующие означающие в первую очередь, по нашему мнению, должны быть найдены в академической дискурсивной практике как главные её концептуальные и идейные гаранты. И это обстоятельство не следует ставить в зависимость от того, что рассмотренные в статье психоанализ и спекулятивный реализм содержат различия в их трактовке и обходятся с универсализирующими означающими различными способами.

Ключевые слова: универсализирующие означающие, лаканианский психоанализ, спекулятивный реализм, дискурс, эклектика, субъект, структурализм.

Исследовательское поле современной философии многообразно и даже пестро и эта пестрота последние десятилетия господства принципа междисциплинарности только усиливается за счет порой смелого участия философов в самого разного рода исследовательских проектах. Особое положение у такого традиционного для отечественной философской культуры раздела как социальная философия: что только в наши дни не стало социальным! Теоретическое поле, простирающееся от социальной эпистемологии до социальной статистики, как кажется, уже не оставляет места для собственно социально-философских исследований, востребованность которых, тем не менее, никуда не исчезает. Как обнаружить это

место? Какими виртуальными связями пронизана современная, порой вполне эклектичная философская культура, позволяющая найти подходы к пониманию социального, увидеть, в конечном счете, механизмы смыслообразования? Мы полагаем, что одним из таких подходов может быть обнаружение и изучение «универсализирующих означающих», под которыми следует понимать означающие как в дискурсе вообще, так и в теоретическом языке социальной философии, которые имеют статус важнейших, ключевых обобщений. Они обладают выраженной аксиматичностью и оказываются отправными точками, из которых исходит дальнейшее развёртывание видения и понимания социальной реальности её агентами и исследователями. К «универсализирующим означающим» относятся такие фундаментальные понятия, как «общество», «Бог», «субъект», «Другой», «реальность», «коммуникация», «идентичность» и др.

ЭКЛЕКТИКА КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

«Эклектика» – так, на наш взгляд, можно определить одну из тенденций современной западной философии, которая характеризует не только её теоретико-методологические поиски, но и распространяется на исследования в области социальной философии. Эта тенденция прослеживается в работах мыслителей, которых можно назвать и популярными, и влиятельными: А. Бадью, С. Жижек, Г. Харман в наши дни определяют и философскую «моду» (в области стилистики текста), и, во многом, влияют на формирование проблемного поля (в области эпистемологии). Будучи активно вовлеченными в политическую жизнь современного западного общества и не скрывая своей политической ангажированности, они, вместе с тем, являются представителями академической философии в разных её дискурсивных проявлениях. Как указывает Д. Кралечкин, «спекулятивный реализм», официальная дата рождения которого – апрель 2007 года, оказывается именно такой «репрезентативной частью» философии, претендующей на статус самой философии и имеющей все шансы на перформативный успех своих претензий» [1, с. 39].

Стилистические особенности текстов представителей направления спекулятивного реализма, как и психоанализа, производны от особенностей методологического, эпистемологического и онтологического характера, ведь именно они, на наш взгляд, определяют «тягу» некоторых современных западных философов к эклектике. В чем же состоит эта эклектическая тенденция? Какую оценку может получить её социально-философская импликация? Чем вообще можно объяснить сам интерес к философской эклектике?

Для начала определимся с тем, как мы трактуем понятие «эклектика». Можно утверждать, что общепринятая и вполне ригористическая его трактовка в академической среде позволяет называть эклектичным то, что представляет собой произвольный и лишь внешне цельный синтез разрозненных и несвязных идей, концептов, который рано или поздно выявляет себя как поверхностное новообразование. Нас же будет интересовать «доброкачественная» эклектика, а вернее то, что является её базисом, делает её возможной. Речь о некоей смысловой основе, которая вообще позволяет осуществлять интеллектуальную спекуляцию. В

терминах структуралистской теории такую пресуппозицию следует обозначить как «означающее», а необходимым свойством для мета-означивания определить «универсализируемость».

Для демонстрации и стилистических, и методологических особенностей спекулятивного реализма и психоанализа мы рассмотрим и проанализируем статью Л. Брайанта «Другое лицо Бога». Эта статья вышла в упомянутом философском журнале «Speculations» в 2012 году, когда её автор ещё не вошёл в число представителей спекулятивного реализма, а работал в области лаканианского психоанализа и континентальной философии. Статья «Другое лицо Бога» интересна тем, что представляет собой границу и переход её автора из лаканианского дискурса в дискурс спекулятивного реализма. Этот пограничный (маргинальный) текст показывает общность между данными дискурсами, она и позволила осуществить переход, средством которого был концепт универсализирующего означающего. Этот концепт дал возможность Л. Брайанту ухватить в мышлении некий семантический абсолют, который позволил осуществить объединение спекулятивного реализма [2], психоаналитической теории [3, с. 100–125] и современной теологии [4].

В своей статье Леви Брайант освещает теолого-логическое измерение лаканианского психоанализа, а в послесловии объясняет свой переход в спекулятивный реализм. Особый интерес эта статья вызывает ввиду переплетения в ней трёх дискурсов – лаканианского, теологического и формализационно-спекулятивного (модельно-логического, объектно-ориентированного). Их отношение друг к другу амбивалентно – это оппоненты, свободно заимствующие друг у друга. В качестве оппонирующей психоаналитической парадигмы стоит выделить именно объектно-ориентированную онтологию Г. Хармана, на которую в поздних исследованиях будет ссылаться Л. Брайант и в конstellляции с которой будет формулироваться его вариация «плоской онтологии».

УНИВЕРСАЛИЗИРУЮЩИЕ ОЗНАЧАЮЩИЕ

Понятие «означающего» следует считать одним из фундаментальных и концептуально продуктивных достижений структурализма. Можно даже утверждать, что и наименьшей ревизии в русле пост-структурализма подверглась именно эта логоцентристская категория. Среди первой волны внесших вклад в «академизацию» структурализма назовем Ф. Соссюра, К.-Л. Стросса и Р. Якобсона. От последних двух Ж. Лакан перенимает идею «означающего» и адаптирует её к потребностям своего проекта обновлённой интерпретации фрейдизма. Главное в переформулировке Лаканом теории означающего – то, что если для Соссюра означающее сохраняет неразрывную связь со своим референтом (означаемым), то для Лакана принципиальным и существенным является именно констатация разрыва между ними. Психоаналитик постулирует, что означающее не связано ни с каким означаемым как таковым вообще, а является лишь потенциально бесконечно смещающимся по череде других таких же означающих, и таким образом понятие означаемого теряет какое-либо теоретическое содержание. Как указывает С. Жижек, «субъект обретает возможность быть представленным в череде других означающих,

в цепи означающих: субъект пытается заполнить свою конститутивную нехватку, идентифицируясь с определенным господским означающим, гарантирующим ему место в символической сети» [3, с. 111]. Так Жижек апеллирует к лаканианской формуле, состоящей в «коперниканском перевороте» доструктуралистской лингвистической парадигмы и объявляющей, что означающее является тем, что представляет субъекта другому означающему. Данное утверждение, по мнению Лакана, полностью описывает положение субъекта как такового и, более того, исчерпывает его возможное представление. Кроме того, означающие имеют различную функциональную диспозицию в зависимости от статуса инстанции, задействованной в символическом пространстве. Как пишет Жижек, «означающее дискурса Господина является “субъективной” характеристикой означивания, которая поддерживает саму “объективную” символическую структуру» [5, с. 213].

Поскольку означающими как таковыми вообще и ограничивается, с точки зрения Лакана, представленная субъекту реальность, то крайне важно подчеркнуть, что совсем не случайно пресловутое лаканианское Реальное – это нечто, лишённое означивания и потому утаенное от субъекта – в случае его прорыва в субъективную реальность происходит аннигиляция субъекта. Особым образом обстоит дело касательно означающих, маркированных специфической инстанцией: «если *objet a* – это Реальное на стороне Символического, то Господское-Означающее – это означающее, попадающее на Реальное» – пишет С. Жижек [6, с. 156]. Этот аспект и представляет собой интерес с точки зрения встречи в нём психоаналитического дискурса и спекулятивного реализма.

Л. Брайант начинает в своей статье с констатации того, что суть психоаналитического подхода состоит в локализации нехватки (разрыва) означивания в символическом порядке, которая всегда обнаруживает себя в нонсенсе. Смысловая компонента, начиная с обращённого к Другому означающего в симптоме, трансформируется в теоретическом поле в собственную изнанку-зияние в синтоме (термин из лаканианского психоанализа, означающий симптом в его преодолении субъектом в определённом акте-процессе психической жизни), который является структурным континуумом (длящейся данностью) как таковым, лишённым означивания.

Брайант также указывает, что Лакан приписывает Реальному предикат «невозможного». Причём данная категория, подчёркивает Брайант, указывается Лаканом как не имеющая ничего общего с какими-либо культурными паттернами и условностями «здорового смысла», а относящаяся исключительно и именно к области формализованных структур, таких как математика и логика. По аналогии с тем, как в теории множеств существует парадокс множества, которое одновременно должно включать и не включать само себя и потому его существование невозможно. Но Брайант тут не воспроизводит мысль Лакана до конца и не воспроизводит его «новую логику», хотя и делает оговорку о слиянии парадокса и «невозможности» в этой лаканианской логике. В пересказе Брайанта, реальность, по Лакану, есть лишь невозможность приближения к Реальному, которая выступает трансцендентальным фреймом в форме фантазматического образования, в то время как Реальное ускользает от формализации. Основной тезис

Лакана связан с теоремой Гёделя о неполноте, но из-за логоцентрированного интереса психоаналитика экстраполирован на область языка в качестве системы означающих. Он состоит в том, что метаязык невозможен, а именно: ни одно означающее не может генерализовать собой всю систему означающих данной системы, то есть «захлопнуть, замкнуть множество» по Брайанту. Под вопрос в данном случае ставится существование «дискурсивного универсума» в терминах Брайанта, а именно универсализирующих категорий или сетов множеств [7, с. 22].

КРИТИКА СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА

Критика позиции «спекулятивного реализма» вообще и Л. Брайант, в частности, осуществлена в известной публичной лекции словенского философа А. Зупанич. В ней она выразила общую для всех психоаналитически ориентированных мыслителей настроенность. Обращаясь к спекулятивным реалистам, Зупанич критикует их трактовку понятия «реальность» как симптом предлагаемой спекулятивным реализмом «фантазии». Её же исследовательская позиция базируется на том, что спекулятивный реализм «простоудушно» лелеет некую надежду обрести доступ к Вещи, и тем самым учредить действительную Реальность, а не просто примат трансцендентного Реального [8]. В своём анализе А. Зупанич ссылается на работу К. Мейясу «После конечности» (в более адекватном переводе – «После конечного» в духе терминологии А. Бадью [9, с. 16–17]) и корректно высвечивает некоторые её фантазматические, с точки зрения психоаналитического дискурса, аспекты.

Со времён своего создания З. Фрейдом в начале 20 века психоанализ претерпел фундаментальные перестройки как теория и практическая дисциплина. Эти изменения, прежде всего, связаны с именем французского психоаналитика Ж. Лакана и предполагают собой смещение психоаналитической теории в область структурализма. Как указывает С. Н. Ставцев, «работы Лакана отмечены и наиболее замечательны предпринимаемым в них соотношением между феноменологией и структурализмом. <...> структурализм фиксирует языковой детерминизм. Психоаналитическая теория Лакана отчасти основана на открытиях структурной антропологии и лингвистики. Одной из главных ее идей является утверждение о том, что бессознательное представляет собой скрытую структуру, сходную в своей основе с языком: бессознательное структурировано как язык» [10, с. 62–78].

Философский аспект лакановского психоанализа проявляется в области совпадения нескольких полновесных философских разделов, таких как эпистемология [11], онтология и антропология. По утверждению С. Жижека, это выглядит так, как если бы Лакан усвоил «урок Хайдеггера», но при этом он «Вместо принятия этого согласия (тождественности) Бытия и логоса старается выйти за эти пределы, к измерению реального, явленного невозможным сочленением между субъектом и наслаждением» [12, с. 70].

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Тема универсализирующих означающих представляет собой существенный, но открытый вопрос в поле социальной философии – именно данный вид понятий следует считать фундаментом смыслообразования в языке теории, необходимым для описания социальных процессов. Сам предмет социальной философии образуется вокруг работы с некими означающими, которые можно ухватить, лишь «собрав» их с поверхности дискурсивной общественной практики и подвергнув определению и переозначиванию. Но данный процесс в самой своей основе не может эффективно протекать в русле сугубо научной практики, то есть функционировать в тех же рамках, что и эмпирические и позитивистски ориентированные науки об обществе. Главной проблемой здесь назовём отсутствие реальной и гарантированной внутри самих данных теорий возможности включать в анализ позицию наблюдателя не только как «агента статистической погрешности» системы сбора данных, но и в её базисе, образованном рефлексией результатов и установок социальных исследований. Например, в феноменологическом подходе, который позволяет работать с социальными теориями и в их контексте осмыслять фигуру исследователя: после редукции и последующего анализа его предварительных установок и основоположений. Рассмотрим, как реагирует на подобные запросы сегодня социальная теория.

Для рассмотрения позиции социального теоретика (наблюдателя) российский социолог А. Бикбов, например, предлагает классифицировать всё множество течений и авторских подходов к изучению социального. Для этого он выделяет два главных, исходящих из разных научных предпосылок, класса социальных исследовательских программ: трансцендентную и имманентную социальную философию и социологию. Можно утверждать, что эта дихотомия производится им как по критерию исходного методологического базиса и аксиоматики, так и по стилистическим особенностям: «В целом же, введение несамостоятельного социального объекта можно рассматривать в качестве отличительной черты имманентного социологического теоретизирования... оно постоянно имеет дело с двумя, не сводимыми друг к другу областями: множеством практических схем, представлений, интуитивно постигаемых и предзаданных извне элементов реальности, доступных объяснению из подобия исследователя исследуемому; и “систематически тотализированным”, но предельно узким теоретическим конструктам, результирующим разрыв и сущностное отличие социологического взгляда...» – пишет он [13, с. 8]. Отметим, что в свое время точное описание конфигурации «трансцендентной» социальной философии дал М. К. Мамардашвили: «Во всех точках пространства наблюдения возможен (непрерывный) перенос наблюдения, не нарушаемый ни в одной точке. По отношению к любой из них, в том числе в такой, в какой я сам как наблюдатель не нахожусь, действует возможность рефлексивно в нее переноситься и воспроизводить в ней одно и то же сознание, то есть сделать себя сознательным носителем тех событий, которые в той точке произошли спонтанно и без меня. Я

могу их воссоздать, то есть свести их к некоему одному (трансцендентальному) субъекту как автономному и конечному их источнику» [14, с. 10].

Имманентная же социальная философия и социология характеризуется А. Бикбовым исходя из наиболее существенного для него аспекта – метода, который представляет собой не просто некий внутрисистемный инструментарий социальной теории, но некий источник и ядро формирования всей данной исследовательской парадигмы в целом: «От редукции к манифестирующим социальный мир обыденным смыслам имманентное объяснение застраховано методическим ходом, лежащим в его основании: первоначальное обнаружение трансцендентного основания той или иной серии социальных событий и последующий анализ его социального генезиса... Имманентную теорию отличает систематическая поправка на вводимые в исследование посылки метода» [13, с. 11].

Характеризуя наследие «трансцендентного» (в его терминологии) социального философа и социолога Т. Парсонса, А. Бикбов сосредоточивается непосредственно на коммуникативном аспекте характеристики социального знания. В частности, он рассматривает текстовую специфику означивания социальной реальности американским теоретиком. Более того, утверждает, что в процессе своей академической деятельности Т. Парсонс не только формулирует описательные и объяснительные модели социальных явлений, но и конструирует реальность как таковую: «Текст, претендующий на представление монопольного взгляда, на высшую власть наблюдателя над реальностью, оказывается наиболее полно подчинен ее простым самоманифестациям. Властный интерес теоретика не позволяет обнаружить несамодостаточность... речи – теория Парсонса стремится представить весь социальный мир как самоотжественный и тождественный его теоретическому описанию...», а сам «...текст теории только как комментарий к образам, возникающим перед “всевидящим глазом” наблюдателя» [15, с. 20].

В качестве оппозиции к «трансцендентной» теоретической установке Т. Парсонса А. Бикбов приводит методологический подход М. Фуко и делает в результате сопоставления вывод, что последний «предлагает рассматривать дискурс знания в качестве поливалентного элемента властной стратегии, связывая его использование с характером властного интереса». И завершает такое сравнение указанием на фундаментальное теоретическое преимущество «имманентного» социального теоретизирования: «Мы с самого начала способны говорить о Парсонсе на языке Фуко, но не наоборот» [15, с. 22].

К числу «трансцендентных» социальных философий А. Бикбов относит и социальную теорию Н. Лумана, для нас же подобное отнесение не очевидно. Не исключено, что философия социального Н. Лумана представляет собой редкий пример переходного класса между двумя рассматриваемыми основными подгруппами. К данному предположению подталкивают такие утверждения: «Мне кажется, что теория наблюдения второго порядка, наблюдения наблюдателей, улавливает многие проблемы дискурса об интересубъективности, но придает им своеобразный оттенок, который не был предусмотрен в терминологии субъекта. Во-первых, наблюдение второго порядка является одновременно наблюдением первого порядка. Наблюдение второго порядка – это наблюдение наблюдателя на предмет

того, что он может и что он не может видеть ... если быть более точным, задается вопрос, с какими различиями работает наблюдатель» [16, с. 161]. Описанный подход заставляет вспомнить метод «двойной историзации» П. Бурдьё, которого без сомнений следует относить, в данном контексте, к представителям «имманентной» социальной теории.

В то же время Н. Луман не исключает некоей необходимой связи коммуникации и социального с сознанием, чем в какой-то мере продолжает традицию немецкой философской антропологии: «Сама коммуникация, и это нужно четко осознавать, вообще не может воспринимать. Она в некотором смысле функционирует в темноте и тишине. Нужно обладать сознанием, чтобы через восприятие трансформировать внешний мир в сознание... Все, что входит в коммуникацию, должно пройти фильтр сознания в окружающем мире системы. Коммуникация в этом смысле полностью зависит от сознания и одновременно полностью исключает его. Сознание никогда не является коммуникацией» [16, с. 281]. В то время, как для спекулятивного реализма и сетевой социальной философии (М. де Ланда, Б. Латур), и, возможно даже, и в рамках современного психоанализа, как раз сознание должно быть исключено из рассмотрения в связи с коммуникацией. И именно благодаря данному эпистемологическому допущению станет возможным создание существенно обновлённых разделов философии общества.

Таким образом, по нашему мнению, желание и потребность некоторых современных авторов философских текстов использовать в своих работах смешение различных философских направлений вытекает из их желания и даже необходимости вырваться за рамки тотализированного академического дискурса Университета в область свободного внедисциплинарного письма. Это обстоятельство непосредственно связано как с исследованием универсализирующих означающих в рамках дискурсов, подлежащих такому «смещению», так и с тем фактом, что означающие имманентно «вшиты» в само внутреннее устройство различных теоретических полей. Так смешивающиеся дискурсы оказываются чрезвычайно продуктивными и перспективными ввиду их установки на анализ не только объектов, прямо заявленных внутри их прото-парадигм, но и на мета-анализ их позиции извне, из точки общего смыслового универсума. В то время, как академическая традиция, окончательно сложившаяся в картезианской парадигме, предполагает строгое наличие субъект-объектной диспозиции в своем теоретическом поле. И, как следствие, некоторые современные дискурсы становятся активными «оппозиционерами» университетским интеллектуальным традициям. В связи с чем имеет смысл, на наш взгляд, вести речь о таких вызревающих в поле социальной философии тенденциях:

1. переосмысление и ревизия аксиоматики вполне устоявшихся элементов дискурса социального, а не дальнейшее развитие того, что на данный момент уже является результатом пересмотра прежних положений;

2. необходимость провести типологизацию всех теорий в сфере социальной философии по выработанному в их поле языку и специфическим характеристикам соответствующих моделей описания.

Список литературы

1. Кралечкин Д. Ю. Enter Speculative Realism // Логос. – 2013. – № 2 (92). – С. 39–42.
2. Bryant L., Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy / The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism, Australia, 2011, p.1–19.
3. Žižek S. Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture. – The MIT Press, 1992. – 111 p.
4. Суинберн Р. Существование Бога // Пер. с англ. М.О. Кедровой; науч. ред. Р. Суинберн // Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 464.
5. Žižek S. The Fright of Real Tears: Krzysztof Kieslowski between Theory and Post-theory. – London: British Film Institute Publishing, 2001. – 213 p.
6. Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. – London, New York: Verso, 2012. – 1056 p.
7. Bryant L. The other face of God. Speculations III.– Brooklyn, NY: punctum books, 2012. – 510 p.
8. Zupancic A. The Real as Impossible. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bj8WZpYOC2M>"M (Дата обращения: 01.03.2017).
9. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу– М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 196.
10. Ставцев С. Н. Язык и позиция субъекта: Лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности // Формы субъективности в философской культуре XX века. – Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 62–78.
11. Морозов А. Четыре позиционные войны Грэма Хармана // Логос. – № 4. – 2014. – С. 249–264.
12. Zizek S. Disparities. – Bloomsbury Publishing Plc, Norfolk, 2016. – 402 p.
13. Бикбов А. Т. Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования // Пространство и время в современной социологической теории. – 2000. – С. 25.
14. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили – М.: Лабиринт, 1994. – С. 228.
15. Бикбов А. Т., Гавриленко С. Пространственная схема социальной теории как форма объективации властного интереса теоретика: Парсонс\Фуко // Пространство и время в современной социологической теории. – 2000. – С. 33–65.
16. Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – С. 360.

Podlesniy O.O. Universalizing Signifiers and Some Trends in Modern Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 26–35.

The article is devoted to the concept of "universalizing signifiers", the question of which is open to the theoretical field of social philosophy. We regard this kind of concepts as the foundation of the formation of meaning in the sphere of the language, that is necessary for describing social processes. The very subject of modern social philosophy revolves around working out and further work with certain signifiers, which are revealed in the study of discursive social practice and subject to both definition and re-meaning. This process can not effectively flow in the mainstream of the positivistic paradigm, as it significantly complicates its features related to the need to take into account the contextual setting of the subject of the study. As demonstrated by L. Bryant's article, the discourse of social philosophy can be considered determined by universalizing signifiers. This thesis is illustrated by the example of several of the most obligate ones, which can be found in the very core of social relations. However, in addition, universalizing signifiers, in the first place, in our opinion, should be found in academic discursive practice as its main conceptual and ideological guarantors. And this circumstance should not be put in dependence on the fact that the psychoanalysis and speculative realism considered in the article contain differences in their interpretation and dispense with universalizing signifiers in various ways.

Key words: universalizing signifiers, Lacanian psychoanalysis, speculative realism, discourse, eclecticism, subject, structuralism.

References

1. Kralachkin D. Y. Enter Speculative Realism // Logos. – 2013. – № 2 (92). – P. 39–42.
2. Bryant L., Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism; Australia, 2011, p.1–19.
3. Žižek S. Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture. The MIT Press, 1992, 111 p.
4. Swinburne R. The Existence of God. Clarendon Press, 2004, 363 p.
5. Žižek S. The Fright of Real Tears: Krzysztof Kieslowski between Theory and Post-theory. London, British Film Institute Publishing, 2001, 213 p.
6. Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism., London, New York: Verso, 2012, 1056 p.
7. Bryant L. The other face of God. Speculations III. Brooklyn, NY: punctum books, 2012, 510 p.
8. Zupancic A. The Real as Impossible. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bj8WZpYOC2M> (Accessed: 1 March 2017).
9. Meillassoux Q. After Finitude: An Essay On The Necessity Of Contingency. Bloomsbury Academic, 2008, 160 p.
10. Stavtsev S. N. Yazyk i pozitsiya sub'ekta: Lakanovskaya strukturno-semioticheskaya kontsepsiya sub'ektivnosti [Language and Position of the Subject. Lacanian Structural-semiotic Concept of Subjectness] // Formy sub'ektivnosti v filosofskoi kul'ture XX veka [Forms of Subjectivity in the Philosophical Culture of the Twentieth Century], 2000, p. 62–78.
11. Morozov A. Chetyre pozitsionnye voyny Grema Kharmana [The Four Position Wars of Graham Harman] // Logos. – № 4. – 2014. – P. 249-264.
12. Žizek S. Disparities. Bloomsbury Publishing Plc, Norfolk, 2016, 402 p.
13. Bikbov A. T. Immanentnaya i transtsendentnaya pozitsii sotsiologicheskogo teoretizirovaniya [Immanent and Transcendental Positions of Sociological Theorizing] / Prostranstvo i vremya v sovremennoi sotsiologicheskoi teorii [Space and Time in Modern Sociological Theory], 2000, 25 p.
14. Mamardashvili M. K. Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti [The Classical and Non-classical Ideals of Rationality]. Labirint [Labyrinth], 1994, 228 p.
15. Bikbov A. T., Gavrilenko S. Prostranstvennaya skhema sotsial'noi teorii kak forma ob'ektivatsii vlastnogo interesa teoretika: Parsons\Fuko [Spatial Diagram of Social Theory as a Form of Objectification of the Power Interest of the Theorist: Parsons\Fuko] / Prostranstvo i vremya v sovremennoi sotsiologicheskoi teorii [Space and Time in Modern Sociological Theory], 2000, p. 33–65.
16. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Logos, 2007, 360 p.